

7. Грак В. Н. Борьба движения «Свободная Франция» за «армию Леванта» (июль — сентябрь 1941)//*Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932—1945.* Свердловск, 1984.
8. Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 1960. Т. 1.
9. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. М., 1959.
10. Черкасов П. П. Распад колониальной империи Франции. М., 1985.
11. Spears E. Fulfilment of a mission: The Spears mission to Syria and Lebanon, 1941—1944. L., 1977.
12. Davet M.-Ch. La double affaire de Syrie. P., 1967.
13. Catroux G. Dans la bataille de Méditerranée, 1940—1944. P., 1949.
14. Willson H. Eight years overseas, 1939—1947. L., 1951.
15. Mockler A. Our enemies the French. L., 1976.
16. The memoirs of Lord Chandos. L., 1962.
17. Луцкий В. Б. Национально-освободительная война в Сирии, 1925—1927 гг. М., 1964.
18. Goma A. M. The foundation of the League of Arab States. Wartime diplomacy and inter-arab politics 1941 to 1945. L.; N. Y., 1977.
19. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Wash., 1959. Vol. 3.
20. Оганесян Н. О. Образование независимой Сирийской республики, 1939—1946 гг. М., 1968.
21. Longrigg S. Syria and Lebanon under french mandate. L., 1958.
22. Чевтаев А. Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье летом и осенью 1941 г.//*Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932—1945.* Свердловск, 1984.
23. Тума Э. Национально-освободительное движение и проблема арабского единства/Пер. с араб. М., 1977.
24. Parkinson R. Blood, toil, tears and sweat. The war history from Dunkirk to Alamein, based on the war cabinet papers 1940 to 1942. N. Y., 1973.

С. И. РЯБОКОНЬ
Уральский университет

Дипломатическая деятельность Луи Барту в странах Малой Антанты в период переговоров о Восточном пакте (апрель — июль 1934)

Борьба Советского правительства за создание системы коллективной безопасности в Европе и подписание Восточного пакта стоит в центре внимания советских историков. Значительное место в исследованиях историков СССР занимают проблемы советско-французских отношений 1933—1935 гг. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Однако дипломатическая деятельность одного из наиболее активных сторонников франко-советского сотрудничества — Л. Барту — не нашла еще достаточного освещения. В настоящей статье рассмотрены переговоры Л. Барту в Варшаве и столицах стран Малой Антанты весной и летом 1934 г., целью которых было получение согласия правительств этих государств на франко-советское сближение и создание Восточного пакта.

В конце 1933 — начале 1934 г. обстановка в Центральной и Юго-Восточной Европе все более обострялась. Усилилась германская и итальянская экспансия в Дунайском бассейне и на Балканах. С целью противодействия германской и итальянской агрессии на Балканах и предотвращения попыток ревизии границ со стороны Болгарии в феврале 1934 г. Турция, Греция, Югославия и Румыния подписали в Афинах Балканский пакт. Созданная при активном содействии Франции, Балканская Антанта должна была сохранять территориальное статус-кво на Балканах и была направлена против ревизионистских устремлений Болгарии. Вместе с тем условия пакта предусматривали оказание взаимной помощи в случае, если бы одна из великих держав поддержала балканское государство, выдвинувшее территориальные претензии к участникам пакта [8; 9; 10].

По замыслам французской дипломатии Балканский пакт должен был дополнять Малую Антанту и вместе с ней способствовать усилению французского влияния на Балканах. Однако участие Румынии и Югославии в пакте угрожало изоляцией Чехословакии. На опасность изоляции Чехословакии в Малой Антанте указывал французский посланник в Праге Ноэль в донесении министру иностранных дел Барту: «Югославия и Румыния не стремятся сохранить в афинском пакте в полном объеме свои соглашения с Чехословакией», и общей чертой Малой и Балканской Антант является их противодействие «ревизии территориальных статей мирных договоров» [11].

Рост германской опасности совпал по времени с ослаблением французских союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе. В 1933—1934 гг. перед лицом усиливавшейся угрозы со стороны Германии Франция могла рассчитывать только на свои союзы с малыми странами Европы. Однако система французских союзов была явно недостаточна для обеспечения безопасности страны. Единственной великой европейской державой, готовой всеми средствами бороться за предотвращение германской агрессии, был Советский Союз [2. С. 174].

В условиях нараставшей угрозы со стороны гитлеровской Германии в декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) разработал идею коллективной безопасности, изложенную в постановлении от 12 декабря 1933 г. Оно предусматривало возможность вступления СССР в Лигу наций и заключение региональных соглашений о взаимной помощи с широким кругом европейских государств. Выполняя постановление ЦК ВКП(б), Наркоминдел выработал предложения о создании европейской системы коллективной безопасности, одобренной Политбюро 20 декабря 1933 г.: «1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций. 2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. 3. СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы,

Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши. 4. Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлению Францией проекта соглашения» [12. С. 871—877].

Этот проект встретил одобрение французского правительства и получил название Восточного пакта. Во французских правящих кругах шла борьба двух тенденций. Одна часть французской буржуазии, выражавшей интересы машиностроительной и легкой отраслей промышленности, ясно представляла себе, какой опасностью для Франции является образование очага агрессии в центре Европы, и искала способы оградить свою страну от этой опасности. Выразителями этой тенденции были бывший французский премьер-министр Э. Эррио, министр авиации П. Кот, Ж. Поль-Бонкур и Л. Барту. Барту был представителем той части французской буржуазии, которая считала, что лучшей гарантией против опасности новой войны с Германией является сближение с Советским Союзом.

Однако по вине французского правительства переговоры о Восточном пакте, начавшиеся в конце 1933 г., были отложены до апреля 1934 г. Будучи реально мыслящим политиком, Барту активно выступил за сотрудничество с Советским Союзом в деле создания европейской системы коллективной безопасности, поскольку отчетливо видел угрозу безопасности Франции со стороны нацистской Германии. Барту был сторонником создания регионального пакта взаимной помощи стран Восточной Европы и добивался его реализации. С помощью этого пакта он стремился укрепить положение Франции в Европе и усилить французскую систему военно-политических союзов [13. С. 444—457; 2. С. 176—178].

По словам наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, Барту «понял слабость устоев, на которых зиждется европейский мир, и размеры опасности, грозящей миру. Он понял ничтожность и ненадежность лозунга «спасайся, кто может» и важность и незаменимость коллективных усилий всех государств, стремившихся к миру. Он понял значение участия в этих коллективных усилиях мощного Советского государства. А поняв это, он решил действовать и действовал энергично» [14].

В своих воспоминаниях бывший начальник генштаба сухопутных сил Франции генерал Гамелен пишет, что Барту проводил «политику укрепления той группы европейских государств, которым могло угрожать быстрое возрождение Германии». По мнению Гамелена, внешнеполитические концепции Барту сводились к следующему: «Дать понять Англии опасность германского перевооружения и, следовательно, необходимость для нее тесно солидаризироваться с нами... Оказать нашу поддержку Бельгии, которая прикрывала наши границы на се-

вере... Укрепить наши связи с Малой Антантой и теми странами, с которыми мы не связаны слишком неопределенными соглашениями, и особенно с Польшей... Наконец, двойная задача, самая насущная и трудная: вновь усилить наши связи с Италией и включить СССР в европейский концерт на нашей стороне». Только при этом будут созданы благоприятные условия для вступления СССР в Лигу наций и будет заложена основа франко-советского пакта. Гамелен пытался задним числом причислить себя к сторонникам «франко-русского военного сотрудничества». Как и Поль-Бонкур, Гамелен считал необходимым для Франции предотвратить нормализацию советско-германских отношений. Он заявил Барту, что «Россия ... представляет единственный восточный противовес Германии» [15. Р. 126, 132].

Деятельность французской дипломатии в конце 1934 г. была направлена не на создание прочного союза с СССР, а на предотвращение улучшения советско-германских отношений. Во внешней политике французских премьер-министров радикалов Э. Даладье, К. Шотана и А. Сарро сотрудничество с Советским Союзом не стояло на первом плане. В своих мемуарах Ж. Поль-Бонкур, занимавший пост министра иностранных дел в правительствах радикалов в конце 1933 — начале 1934 г., так объясняет причины, побудившие его начать переговоры с Советским правительством: «Мне удалось, хотя и не без труда, сохранить наши союзы с Польшей и Малой Антантой, добившись неоспоримой разрядки в отношениях с Италией. Не менее необходимым представлялось мне заключить при возможности союз с Россией, чтобы Польша и Румыния не чувствовали для себя угрозы с тыла, если они предпримут с нами какую-нибудь согласованную акцию» [16. Р. 368—369].

Курс на франко-советское сотрудничество натолкнулся на противоположную тенденцию — стремление к антисоветскому сговору с Германией. Часть правящих кругов Франции, особенно представители таких монополий, как «Комитэ де форж», химической и угольной промышленности, с самого начала ориентировалась на сговор с Германией [3]. Однако попытка сговора с Гитлером тогда не увенчалась успехом. 9 февраля 1934 г. во Франции пришло к власти правительство Думерга, в котором пост министра иностранных дел занял Барту, а государственным министром стал Эррио. Прогерманская партия потерпела поражение. На позицию французской буржуазии оказало влияние и положение внутри страны, так как во Франции в 1934 г. влияние народных масс, объединившихся в народном фронте, значительно усилилось.

Наличие сторонников сговора с Германией во французских правящих кругах облегчало усилия гитлеровцев сорвать переговоры о Восточном пакте и развалить Малую и Балканскую Антанты.

Нацистская дипломатия использовала антисоветские настроения польских правящих кругов и активно подталкивала Польшу на путь противодействия планам создания в Европе системы коллективной безопасности. 26 января 1934 г. в Берлине была подписана германо-польская декларация «о мире и взаимопонимании». Германо-польский пакт нанес удар Восточному пакту и Малой Антанте, к которой в Польше относились неприязненно после одобрения ею франко-советского сближения.

Советский полпред в Варшаве В. А. Антонов-Овсеенко в беседе с польским министром иностранных дел Беком заявил, что германо-польский договор «укрепляет режим Гитлера, облегчает ему соглашение с Францией и подготовку к захвату Австрии» [17. С. 157].

В начале 1934 г. гитлеровская Германия активизировала подготовку к аншлюсу Австрии и усилила натиск на Балканы. Однако попытки Германии упрочить свое влияние в Австрии наталкивались на противодействие фашистской Италии, которая значительно укрепила свое влияние в стране после того, как канцлер Дольфус установил в феврале 1934 г. фашистскую диктатуру.

Против аншлюса выступила Франция. Барту в речи 2 марта 1934 г. в палате депутатов заявил, что французское правительство враждебно «идее аншлюса и проектам реставрации Габсбургов». По мнению Барту, «только сотрудничество всех дунайских стран, образовавшихся на территории бывшей Австро-Венгрии, может спасти их» [18].

В 1934 г. усилилась и итальянская экспансия в Дунайском бассейне и на Балканах. 17 марта 1934 г. между Италией, Австрией и Венгрией были подписаны три протокола об экономическом и политическом сотрудничестве [19]. Французская дипломатия использовала конфликт между Италией и Германией из-за Австрии в своих интересах. Французское правительство стремилось к сближению с Италией в целях совместного сопротивления Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе. При этом Франция старалась примирить Малую Антанту с Италией и Римским блоком [20. Р. 5]. Однако реакция стран Малой и Балканской Антанты на создание Римского блока и итало-французское сближение была отрицательной.

В апреле 1934 г. с целью укрепления своего влияния в Румынии и других странах Малой Антанты правительство Франции начало в Бухаресте переговоры о военном сотрудничестве с начальниками генштабов Румынии, Югославии и Чехословакии. Французскую делегацию возглавлял поверенный в делах военной миссии в Бухаресте генерал Петэн. В ходе переговоров согласовывались военные планы Франции и армий Малой Антанты на случай вооруженного конфликта с Венгрией. Румынский король Кароль в беседе с Петэном высказался за то, чтобы

Франция была осведомлена о планах своих союзников по Малой Антанте в случае европейского конфликта, в котором она не останется одна. В своем докладе военному министру глава французской военной делегации рекомендовал укреплять военные связи Франции со странами Малой Антанты и предоставить им необходимые поставки. «Как король Кароль, так и румынский премьер Татареску заявили, что считают вопрос о французских военных поставках первой целью их политики» [11. Р. 176—181].

Весной 1934 г. с просьбой о поставках военных материалов обратился к французскому посланнику в Югославию король Александр. В конце мая Барту сообщил посланнику в Белграде Наджиару, что 20 апреля 1934 г. французское правительство приняло решение о предоставлении Югославии военных материалов [11. Р. 453].

Однако часть высших милитаристских кругов Франции во главе с военным министром Петэном сознательно проводила политику предоставления Германии «свободы рук» в Центральной и Юго-Восточной Европе. В ответ на перевооружение Германии Петэн в 1934 г. на одну треть сократил утвержденные парламентом кредиты на вооружение французской армии. Сокращение военными руководителями кредитов на армию вызывало у союзников Франции неверие в способность Франции защитить их от германской опасности [3. С. 330—331].

Французское правительство приветствовало приход к власти в Болгарии, в результате военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г., правительства Военного Союза и группы «Звено» во главе с К. Георгиевым. Оно выражало интересы той части болгарской буржуазии, которая ориентировалась на Францию и была готова установить дружеские отношения со странами Малой Антанты. В области внешней политики это правительство трезво оценивало обстановку в Европе и усилившуюся опасность со стороны Германии. В Париже с одобрением встретили переворот в Болгарии, рассчитывая укрепить свое влияние в этой стране и включить ее в Балканский пакт.

Уже 22 мая 1934 г. болгарский премьер-министр К. Георгиев в интервью корреспонденту германского информационного агентства заявил: «Мы стремимся поддерживать дружественные отношения со всеми странами и хотим восстановить нормальные отношения с СССР» [21]. Министром иностранных дел в правительстве К. Георгиева был назначен сторонник французской ориентации К. Батолов, ранее занимавший пост болгарского посланника в Париже. Французский посланник в Болгарии А. Камбон докладывал Барту 31 мая, что «переворот 19 мая, с точки зрения его воздействия на внешнюю политику Болгарии, рассматривается ... как благоприятный французской политике и оппозиционной политике Италии». Во время встречи с Батоловым 30 мая Камбон высказался за «более эффек-

тивное сотрудничество между Францией и Болгарией» [11. Р. 582—585].

В течение апреля — мая 1934 г. в ходе советско-французских переговоров в Париже и Женеве были согласованы основные вопросы, касающиеся Восточного пакта. 1 мая Барту одобрил схему регионального пакта взаимопомощи, предложенную генеральным секретарем МИД Франции Леже [12. С. 312]. Предложение Франции о включении в пакт Германии вносило осложнения в переговоры о его заключении, но, учитывая то значение, которое придавала участию Германии Франция, Советское правительство не возражало против внесения в свое предложение такого изменения [22. № 6. С. 155]. Вместе с тем Советское правительство считало необходимым сделать оказание помощи обязательным для всех участников пакта, без деления на соседей и не соседей. Французское правительство позже отказалось от такого деления, но не согласилось взять на себя обязательства по оказанию помощи прибалтийским странам [12. С. 340]. Было решено, что Советский Союз будет вести переговоры с прибалтийскими странами, а Франция — с Польшей, Чехословакией и Германией [7. С. 172—173].

Еще до официального ознакомления с проектом Восточного пакта союзников Франции и его предполагаемых участников, Барту в апреле 1934 г. совершил поездку в Варшаву и Прагу для того, чтобы убедить правительства Польши и Чехословакии в необходимости участия этих стран в региональном соглашении о взаимопомощи. В Варшаве, куда Барту прибыл 21 апреля, он был встречен польским правительством весьма прохладно. Антисоветски настроенные правители санационной Польши отклонили предложение Барту об участии в Восточном пакте. Ю. Пилсудский дал понять Барту, что он дорожит германо-польским договором 1934 г. и отрицательно относится к Восточному пакту. «Польское правительство всегда будет отказываться от какого-либо участия в Восточном Локарно, если в нем будет участвовать Россия», — заявил Пилсудский Барту. Когда же Барту поставил перед министром иностранных дел Польши Беком вопрос об отношении к франко-советскому сотрудничеству, Бек ответил: «франко-польский союз больше не интересует Польшу... Что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, которую у нас питают по отношению к ней» [23. С. 225]. Бек отрицательно отнесся и к вступлению СССР в Лигу наций [24. Р. 55—56].

Позиция Польши вызывала во Франции недовольство у сторонников Восточного пакта. Э. Эррио считал поездку Барту в Варшаву «ошибкой» [17. С. 299].

В Чехословакии Барту убедился, что чехословацкое правительство в своей внешней политике неуклонно следует французской линии. Оно положительно отнеслось к планам Барту и согласилось поддержать Восточный пакт [25. С. 326]. Француз-

ский посланник в Праге докладывал в Париж 28 апреля, что пребывание Барту в Праге было «отмечено сердечным доверием», а население приветствовало его с таким энтузиазмом, какой оно проявляло только к президенту Масарику [11. Р. 373]. В докладе совету министров Франции об итогах своей поездки в Чехословакию Барту выразил удовлетворение по поводу соглашения, достигнутого в Праге [26].

Для участия Чехословакии в Восточном пакте необходимо было, чтобы Малая Антанта нормализовала свои отношения с СССР.

Румыния не имела возражений против признания, но Югославия продолжала занимать враждебную Советскому Союзу позицию. Переговоры между Малой Антантой и СССР закончились 9 июня 1934 г. признанием де-юре Советского Союза Чехословакией и Румынией. Чехословацкое правительство сразу же сообщило, что оно принимает Восточный пакт и готово участвовать в нем [22. № 6. С. 156].

Установление дипломатических отношений между Малой Антантой и СССР встретило благоприятный отклик у сторонников советско-французского сближения во Франции. В дополнение к Восточному пакту Барту выдвинул весной 1934 г. идею заключения Средиземноморского пакта. По мысли Барту, в состав участников предполагалось включить Францию, Англию, Италию, Югославию, Грецию, Турцию, Румынию, Болгарию и СССР. Цель пакта заключалась в устранении возможности итальянской агрессии в Средиземноморье [11. Т. 6. Р. 752—753, 772, 961].

В конце июня 1934 г. Барту совершил поездку в Бухарест и Белград с целью подготовки почвы для создания Восточного и Средиземноморского пактов и укрепления связей Франции с Малой Антантой. Визит Барту в Бухарест был приурочен к сессии совета Малой Антанты, на которой главным вопросом стояла проблема Восточного пакта [12. С. 391; 27. S. 128]. Французский обозреватель Пертинакс писал, что в Бухаресте «дело идет об укреплении французских союзов дружбы, поколебленных пактом четырех» [28]. По сообщению французской газеты «Пти паризьен», на конференции рассматривалась возможность заключения двух пактов — Восточного и Средиземноморского. «Оба пакта,— писала газета,— явились бы пактами о ненападении и взаимной помощи, и в них Советский Союз играл бы значительную роль» [21. Д. 14, п. 2а]. Обозреватель газеты «Журналь» Сен-Брис писал, что цель бухарестских переговоров заключалась в том, чтобы «подтвердить с категоричной ясностью политику, объединяющую не только Францию с Малой Антантой, но и участников афинского и лондонского пактов, т. е. балканские страны, и Советский Союз» [21. Д. 14, п. 2а].

Близкая к Бенешу (министру иностранных дел Чехо-

словакии) газета «Лидове новини» указывала, что Малая Антанта «придает решающее значение региональным пактам взаимопомощи в Юго-Восточной и Средней Европе. В связи с этим Малая Антанта определила свое отношение к СССР» [21. Д. 14, п. 2а].

Польский посланник в Бухаресте Арцишевский докладывал 25 июня 1934 г. в Варшаву, что конференция Малой Антанты «подготовила атмосферу для визита Барту». По сведениям, полученным польским посланником от румынского министра иностранных дел Титулеску, на конференции был рассмотрен вопрос о реставрации Габсбургов в Австрии «в соответствии с концепцией Франции». Малая Антанта предупредила Венгрию, что попытка реставрации встретит мобилизацию трех стран [29. Ф. 2е. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 12, 13, 14].

По проблеме аншлюса, по мнению Титулеску, в коммюнике Малой Антанты нет ничего нового. «Непонятно,— заявил Титулеску,— почему Германия так агрессивно относится к последней сессии Малой Антанты, которая ... во всех случаях действовала на руку Германии». Арцишевский считал, что упоминание австрийского вопроса в коммюнике Малой Антанты было сделано лишь по настоянию Барту и «практически война из-за аншлюса выгодна лишь Италии» [29. Ф. 2е. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 12].

По сведению Арцишевского, Малая Антанта высказалась за сотрудничество с Польшей, и Титулеску просил от имени Малой Антанты предоставить ей возможность транзита оружия через Польшу в случае закрытия пути через Австрию, а польский дипломат поставил вопрос о транзите оружия для Польши через Салоники [29. Л. 12]. Будучи одним из наиболее антисоветски настроенных дипломатов санационной Польши, Арцишевский, как и польский министр иностранных дел Бек, делали все, чтобы сорвать усилия М. М. Литвинова и Л. Барту по созданию европейской системы коллективной безопасности. В беседе с французским послом в Варшаве Бек откровенно признал, что «Польша, собственно говоря, не нуждается в таком пакте» [12. С. 482].

Пребывание Барту в Бухаресте было встречено в Берлине с явным недовольством, гитлеровцы упрекали румынское правительство в недружественном отношении к Германии. Германский посланник в Румынии Шуленбург докладывал в Берлин 27 июня 1934 г., что визит Барту в Бухарест «был превращен в демонстрацию румыно-французского союза. С внешнеполитической точки зрения визит Барту был блестящим финалом встречи Малой Антанты, которая продемонстрировала не только единство трех участников, но и их союз с Францией» [30. Р. 95]. 20 июня, в день приезда Барту, его встречали все члены правительства Румынии, а также министры иностранных дел Малой Антанты — Бенеш, Титулеску и Ефтич. В тот же день Барту

присутствовал на вечере в МИД Румынии. В речах, которыми обменялись Барту и Титулеску, подчеркивалась дружба между Румынией и Францией [31].

В нарушение норм церемониала король Румынии Кароль сам нанес визит во французское посольство. Барту получил титул почетного гражданина Румынии. Выступая на заседании парламента, премьер-министр Татареску восхвалял франко-румынское боевое братство и подчеркнул, что в борьбе за сохранение мира оба народа «всегда выступали солидарно» [27. S. 129; 30. P. 95]. В ответной речи Барту заявил: «Тот, кто попытается оторвать от румынских границ «хоть один квадратный сантиметр, встретит ваше сопротивление. Но это будет не только ваш отпор, с вами будет помощь и сердце Франции». В знак протеста против речи Барту германский посланник Шуленбург покинул зал заседания [29. Л. 15—16, 32].

На переговорах с Барту румынский премьер-министр Татареску просил увеличить поставки в Румынию французских военных материалов. Эти поставки, заявил Татареску, необходимы Румынии для «выполнения ею той роли, которую Франция, как союзник, ожидает от нее». Барту заверил своего собеседника, что он готов рассмотреть и удовлетворить просьбу Румынии, если будет урегулирован вопрос о погашении румынских долгов [11. № 366. P. 752—753].

Во время встреч Барту с Титулеску, Бенешем и Ефтичем обсуждались проблемы Восточного и Средиземноморского пактов. Барту и Титулеску пришли к соглашению по следующим вопросам: подтверждение Локарнского пакта, заключение «Восточного Локарно» с участием СССР, Чехословакии, Польши, Германии и прибалтийских стран, а также Средиземноморского пакта с участием СССР, государств Балканского пакта, Болгарии, Италии и Франции, при одобрении этого пакта Англией [11. Т. 6. № 371. P. 761; № 378. P. 772; № 476. P. 984].

Польский посланник докладывал Беку, что Барту были оказаны в румынской столице «королевские почести» со стороны правительства и было «сделано все, чтобы придать этому визиту эпохальное значение» и продемонстрировать «верность Румынии своей защитнице Франции» [29. Л. 6]. Барту дал понять Каролю II, что в случае установления в Румынии фашистской диктатуры Франция прекратит ей свою финансовую и дипломатическую поддержку. В разговорах с французским министром король Кароль II выражал свои симпатии к Франции и заверял Барту, что он, имея армию и высшую власть в своих руках, может быть более полезен для Франции, чем Титулеску [29. Л. 7].

Со своей стороны Титулеску просил французского посланника в Румынии не доверять королю, который «тяготеет к Берлину больше, чем к Парижу» [11. Т. 6. № 472. P. 974]. Польский посланник пришел к выводу, что триумф Барту в

Бухаресте увеличил престиж Франции и ослабил влияние Германии. «Вхождение в правительство открыто прогерманских деятелей исключено. Даже смена правительства может лишь ослабить профранцузское давление, но не приведет к изменению политики» Румынии,— подводил итоги визита Барту в Румынию Арцишевский [29. Л. 17—18].

Результаты поездки Барту в Бухарест приветствовались всей французской прессой. Газеты выражали одобрение укреплению франко-румынской дружбы и общности взглядов Франции и Малой Антанты. Агентство «Радио» сообщало, что между Францией и Малой Антантой существует единодушие по вопросу о необходимости сохранения «Западного Локарно, заключения... Восточного Локарно и Средиземноморского пакта» [21. Д. 14, п. 2а]. Французская журналистка Ж. Табуи отмечала в органе радикал-социалистов газете «Эвр», что все румынские партии поддерживают внешнюю политику Титулеску. Одобрив признание Румынией СССР, Табуи подчеркнула, что «Румынии не может угрожать опасность со стороны Советского Союза», и выразила удовлетворение тем, что румынское общественное мнение высказывается за заключение пакта о взаимной помощи с СССР. Ж. Табуи предположила, что в Румынии отнесутся благоприятно к участию Чехословакии в «Восточном Локарно» [21. Д. 14, п. 2а].

Поездка Барту в Бухарест вызвала недовольство в Германии. Германский посланник в Румынии Шуленбург констатировал, что «французское влияние в Румынии приобрело новую силу от визита Барту». Вместе с тем он отмечал, что король хочет «извлечь выгоды из настоятельно необходимых кредитов на вооружение, чтобы впоследствии иметь свободу рук» и избежать исключительно профранцузской ориентации [30. Vol. 3. № 41. Р. 95—96]. Германская пресса старалась преуменьшить значение визита Барту в Румынию и указывала, что для балканских стран выгоднее экономическое сотрудничество не с Францией, а с Германией. Орган нацистской партии «Фелькишер беобахтер» подверг нападкам политику «пактомании» Барту [27. S. 137]. Газета «Дер Таг», комментируя обещание Барту оказать помощь Румынии в случае войны, со злорадством писала, что Франция бросила Румынию на произвол судьбы во время мировой войны [27. S. 137].

23 июня 1934 г. Барту на пароходе отбыл по Дунаю в Югославию для переговоров о Восточном пакте, а также для зондирования почвы о возможности сближения между Югославией и Италией. Барту считал, что это сближение создаст основу для Средиземноморского пакта [23. С. 235].

Югославское правительство не возражало против создания «Восточного Локарно» [23. С. 236]. Во время переговоров Барту в Белграде 24—25 июня югославские руководители не скупились на демонстрацию своего расположения к Франции. На

банкете в честь Барту министр иностранных дел Ефтич говорил о положительной роли Франции в деле объединения народов Югославии, сохранения мира и послевоенного устройства. Он подчеркивал конструктивное влияние союза Франции со странами Малой Антанты на развитие международной ситуации [27. S. 130]. На специальном заседании обеих палат скупщины премьер-министр Узунович утверждал, что Франция и Югославия не допустят ревизии договоров. Со своей стороны Барту заверял правительство Белграда, что Франция выполнит свои союзные обязательства перед Югославией [27. S. 130].

В заявлении югославского правительства, сделанном после окончания визита Барту в Белград, прославлялось «братство по оружию» и выражалось согласие с политикой укрепления французской системы союзов, проводимой Барту [30. Vol. 3. № 39. P. 93]. Вместе с тем германский посланник в Белграде Герен отмечал в донесении в Берлин 27 июня 1934 г., что югославское правительство уклоняется от заявления о намерении Югославии «слепо следовать французской политике союзов». По мнению Герена, «возможность итало-французского соглашения встречена с недоверием, а итало-югославского соглашения со скептицизмом» [30. № 30. P. 93]. Не был решен и вопрос о нормализации отношений Югославии с Советским Союзом. В целом же переговоры Барту в Белграде были успешными для Франции и укрепили франко-югославский союз.

В беседе с французским посланником в Белграде 2 июля 1934 г. король Александр подчеркнул, что он «не сомневается в дружбе Франции». Король заявил, что поддержка Францией «мира и порядка, установленного договорами, имеет значение не только с точки зрения франко-румынских и франко-югославских отношений, но и с точки зрения укрепления Малой и Балканской Антант» [11. Т. 6. N 432. P. 878]. Король сказал, что визит Барту в Белград будет способствовать укреплению единства Югославии. Он положительно отнесся к предстоящему вступлению СССР в Лигу наций, к франко-советскому сближению, но на вопрос посланника Наджиара, намерена ли Югославия установить дипломатические отношения с Советским Союзом, ответил отрицательно. Французский посланник пришел к выводу, что население Югославии выступает за установление отношений с СССР, но этому препятствует король, «испытывающий ненависть к Советам» [11. Т. 6. № 433. P. 913].

Информируя советского поверенного в делах во Франции об итогах своей поездки на Балканы, Барту заявил, что он пытался вовлечь правительство Румынии «во французскую орбиту», а в Белграде «прямо ставил перед королем вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР» [12. С. 458—459].

Таким образом, переговоры Барту с правительствами стран Малой Антанты способствовали укреплению французского влияния в Чехословакии, Румынии и Югославии. В результате

этих переговоров французский министр иностранных дел получил согласие руководителей союзных Франции государств на заключение Восточного пакта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Ю. В. Советско-французские отношения, 1924—1945. М., 1964.
2. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939. М., 1976.
3. Белогловский Е. С. Проблема безопасности Франции и борьба политических группировок в 1934—1935 гг.//Французский ежегодник, 1959. М., 1961. С. 321—339.
4. Иоффе А. Е., Наринский М. М. Советско-французское сотрудничество: традиции и современность. М., 1975.
5. Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, 1933—1939. М., 1974.
6. Манфред А. З. К истории советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г.//Французский ежегодник, 1961. М., 1962.
7. Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935. М., 1980.
8. Рябоконь С. И. Роль Франции в создании Балканской Антанты//Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1975. Сб. 4.
9. Исаева О. Н., Кашкин И. С. Дипломатическая подготовка пакта Балканской Антанты (1933—1934)//Славянский сборник. Саратов, 1978. Вып. 2.
10. Данева-Михова Х. Международные отношения в период 1933—1934 гг. и дипломатическая подготовка Балканского пакта//Studia Balcanica, 11. Sofia, 1977. P. 32—94.
11. Documents Diplomatiques Francais, 1932—1939. Ire sér. (1932—1935). P., 1972. T. 6. P. 253.
12. Документы внешней политики СССР. М., 1974. Т. 17.
13. Дюрозель Ж.-Б. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г.//Французский ежегодник, 1961. М., 1962.
14. Известия. 1934. 12 окт.
15. Gamelin M. Servir. P., 1946. Т. 1.
16. Paul-Bonour J. Entre deux guerres. N. Y., 1946. Т. 2.
17. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, М., 1969. Т. 6.
18. Известия. 1934. 4 марта.
19. Шихов В. И. Первые римские протоколы//Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1966. Ч. 1.
20. Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Second Ser. L., 1957. Vol. 6.
21. Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР. Архив газетных вырезок. Иностранная телеграфная информация ТАСС. Досье 14, пакет 6а.
22. Международная жизнь. 1963.
23. Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
24. Beck J. Final Report. N. Y., 1957.
25. Внешняя политика Чехословакии. М., 1959.
26. Известия. 1936. 4 мая.
27. Balcerak W. Wizyty min. Barthou w Bukareszcie i Belgradzie w prasie europejskiej (czerwiec 1934) //Studia z dziejow ZSRR i Europy Srodkowej. Wroclaw, 1972. Т. 8—9.
28. Правда. 1934. 20 июня.
29. Историко-дипломатический Архив МИД СССР. Ф. 2е. Оп. 4. Ед. хр. 4.
30. Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. Ser. C. L., 1959. Vol. 3.
31. Известия. 1934. 22 июня.